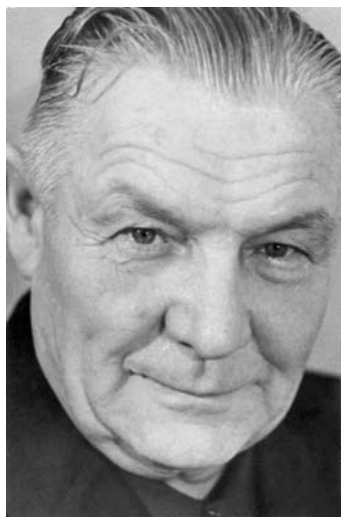

очерк

Азалия
Килеева-Бадюгина

Джалиловец Рушад

104

Хочу рассказать о дорогом мне человеке – родном брате мамы Рушад Биляловиче Хисамутдинове, близком друге и соратнике Мусы Джалиля по Сопротивлению в фашистской неволе

Мой дядя самых честных правил...

А. С. Пушкин

ПЕРЕЖИВ горькое безвременье войны, полное страданий и смертельных опасностей, а также выпавшие на его долю испытания во вражеском плену и лагерях сталинского ГУЛага, он вышел из схваток победителем – не одичал, не сошёл с ума, а остался человеком, сохранил добрый нрав, интерес к людям. Это в нём удивляет и восхищает! Выстоять помогли не только мужество и воля, не только смекалка, но и исключительная отзывчивость, способность ощутить чужую боль, как свою, редкое трудолюбие и оптимизм.

Война, к сожалению, рано закончилась для моего дяди. Он попал в плен. Вот как это произошло по его воспоминаниям.

Часть, в которой он служил, попала в окружение в июле 1942 года на рубеже реки Северный Донец. Около станицы Вёшенская превосходящие силы врага прижали остатки разгромленной дивизии к реке. Измотанные тяжёлыми боями бойцы в панике прыгали в воду. Мой дядя Рушад Хисамутдинов попытался переправиться через реку с оружием, однако вместе с лошадью пошёл ко дну. Только благодаря отчаянному усилию удалось ему вместе с лошадью спастись. Под непрерывным обстрелом вражеских бомбардировщиков они, чудом оставшись невредимыми, выбрались на берег.

Оказавшись в окружении, дядя вместе с девятью бойцами принял про-

двигаться к своим. Шли по ночам, днём они прятались в лесочках, кустарниках, по оврагам. Повсюду были немцы, которые в поисках беглецов обстреливали дороги и всевозможные укрытия. Во время одного из таких обстрелов ранили и дядю Рушада. Осколок поразил ногу, но он смог извлечь его. Несмотря на раны и мучивший бойцов голод, они продолжали идти к цели, но однажды напоролись на немецкий танковый патруль. Один из немцев, увидев красную окантовку на брюках дяди, хотел заколоть его штыком как комиссара. Но помог один из бойцов, который на ломаном немецком языке пояснил, что мой дядя является ветеринаром, у ветврачей такая форма. Так смерть прошла мимо.

В лагере Янки, куда их пригнали, Рушад Хисамутдинов пошёл разыскивать однополчан и наткнулся на человека, который держал перед лицом миниатюрный, со спичечный коробок, Коран. Раненый попросил воды, и дядя раздобыл её, хотя в лагере это было делом нелёгким. Выпив воды, мужчина приготовился к смерти, а Рушад-абый прочёл над ним несколько сур из Корана, известных ему с детства. После он узнал, что умерший был из Казани. А Коран остался у дяди и стал его талисманом, не раз спасавшим жизнь. И в первый раз это случилось уже на следующий день, когда среди вновь прибывших стали выявлять евреев и коммунистов. Пленным приказали раздеться донага, чтобы проверить на наличие обрезания. Дядю вытолкали в один ряд с евреями. Но он стал кричать, что является магометанином и в доказательство принялся читать суры из Корана. Немецкий офицер поверил ему и позволил вернуться в строй.

Из лагеря Янки Рушад Хисамутдинов попал в крепость Демблин, где Гайнан Курмашев познакомил его с Мусой Джалилем. Знакомство это сыграло решающую роль в дальнейшей его жизни. Вот как мой дядя сам говорил об этой встрече и дальнейших отношениях с Мусой и другими джалиловцами в своих воспоминаниях:

«Однажды Гайнан Курмашев указал мне на человека, стоявшего неподалёку от нас, шепнув, что это известный поэт и прозаик Муса Джалиль. Я попросил познакомиться с ним. Гайнан охотно согласился, и мы направились к поэту. Заметив нас, Муса пошёл навстречу. Оказалось, что он знал Гайнана ещё до войны. Мы поздоровались. Я назвал себя. Пожимая мне руку, поэт произнёс: «Я Гумеров». Меня это не удивило, потому что знал, как жестоко расправлялись фашисты с коммунистами. Муса выглядел плохо: старая солдатская шинель мешком висела на его исхудалом теле, лицо отёкшее, под глазами мешки. Но взгляд его был полон жизни, чувствовалось, что он человек сильной воли, что в нём не угасли доброта и вера в людей. Каждое его слово находило отзвук в душе собеседника. Он спросил, откуда я родом, когда попал в плен, где теперь находятся наши войска и т. д. Я подробно ответил. С тех пор не проходило дня, чтобы мы не встречались. Около Джалиля всегда было много людей, пленных разных национальностей. Они приходили, чтобы послушать его, посоветоваться. Стихи, которые он читал, возвращали к жизни, внушали веру в нашу победу».

Первые успехи Красной Армии, большие потери живой силы на фронтах заставили нацистов изменить первоначальный план уничтожения военнопленных. Для пополнения своих войск они стали создавать национальные формирования – легионы. Отобранных военнопленных одевали, усиленно кормили и вооружали. Велась изощрённая антисоветская пропаганда, целью которой было призвать красноармейцев к вооружённой борьбе на своей стороне. Легион в Едлино назывался «Идель-Урал».

Для массовой идеологической обработки военнопленных нужно было склонить на свою сторону людей, пользовавшихся среди них авторитетом. Муса Джалиль и ближайшие его товарищи Гайнан Курмашев, Ахмет Симеаев, Абдулла Алиш и другие и решили про-

тивопоставить плану гитлеровцев свой. Внутри марионеточного «государства» «Идель-Урал», куда должны были войти территории автономных республик Поволжья и Урала, задумали создать подпольную, широко разветвлённую, глубоко законспирированную организацию. Целью было разложить четыре сформированных батальона изнутри, лишив их тем самым возможности выступления против своей страны. И план этот был успешно претворён в жизнь! Подвиг джалиловцев состоял в том, что им удалось укрепить дух двенадцати тысяч растерявшихся в плену людей (татар, башкир, марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы), убедить их повернуть оружие против врага. В итоге ни один из трёх отправленных на фронт батальонов не поднял оружия против партизан. В результате легион как ненадёжный был отправлен во Францию, в город Ле-Пюи для борьбы против макизар – французских партизан.

Но это было позже. А пока вернёмся в Едлино.

Нельзя не отметить роли Рушада Хисамутдинова в возникновении боевого подполья. Случилось так, что в легион он попал раньше других джалиловцев. Его как ветеринара определили ухаживать за лошадьми. Дяде не пришлось идти на сделку с совестью: как простому рабочему ему не требовалось приносить присягу нацистам.

Однажды дядя услышал милую сердцу родную мелодию и пошёл на манящие звуки. Там он обнаружил музыкантов учреждённой немцами «музыкальной капеллы». Их было мало. Тогда Рушад-абый и вспомнил про просьбу Гумерова (Джалиля), который в то время находился в Берлине. Джалиль просил поискать артистов в лагере Демблин среди военнопленных. Хорошо зная Мусу и его друзей, дядя догадался, каких «артистов» имел тот в виду. Ему не было известно, что делает Джалиль в Берлине, но он уважал этого человека, доверял, а потому решил помочь. Он сообщил руководству легиона, что может найти артистов для капеллы, так как

знает подходящие кандидатуры среди военнопленных лагеря. К нему прислушались и отправили в Демблин собрать капеллу.

В лагере на кухне работал его давний знакомый Гайнан Курмашев. Вместе они собрали тринадцать человек. Это: Гайнан Курмашев, Зиннат Хасанов, Абдулла Баттал, Фуат Сайфельмулюков, Гали Курбанов, Гараф Фахрутдинов, Борис Попов (еврей, певец из Одессы, которого на всякий случай нарекли Бари Каримовым), кураист-башкир Салават Юлаев и другие. Почти все они вошли в ядро будущей подпольной организации. Если бы не находчивость Хисамутдинова, Мусе Джалилю едва ли удалось собрать столь замечательную, надёжную команду.

Именно Рушаду и Гайнану Джалиль предложил взять дела капеллы в свои руки. Оба дружно взялись за работу. Муса давал им ответственные задания и часто обращался за помощью. В первую очередь следовало найти подходящих людей на роль пропагандистов. За опасную работу взялись наиболее политически подкованные Фуат Сайфельмулюков и Гали Курбанов (Мичурин). Фуат, как рассказывал дядя, говорил тогда, что если на родине узнают, что он носил немецкую форму, то повесят, а если узнают, что был у немцев пропагандистом, повесят за одно место! Но, в конце концов, они оба согласились, что работа эта необходима для подполья. По предложению Мусы Джалиля, решено было нарисовать плакат: девушка у колодца всматривается вдаль, а внизу слова: «Мин сине кетэм» («Я жду тебя»). Фуат вместе с Гали отыскивали художника Шамбазова, который и воплотил идею в жизнь. Солдаты плакали украдкой, глядя на картину, которую повесили на видном месте. Она напоминала о родной стране, об отчем доме, о родных и близких.

В капелле каждому «артисту» была подобрана подходящая роль – кто-то пел, кто-то играл на мандолине и гармони. Одним из ведущих солистов был молодой учитель из Узбекистана Гараф

Фахрутдинов, активный член подпольной организации. Он исполнял главные роли в пьесах, сочинённых Мусой и Гайнаном. Обладая прекрасным голосом, Фахрутдинов задушевно пел старинные татарские песни, которым учил его Муса. Все члены группы писали стихи. Их пылкое воображение рисовало прекрасные картины будущего. Ласковая Родина-мать встречала в их мечтах милых сыновей... Они будто забыли о страшном 37-м и будто не слышали, что всех, кто попал в плен, Сталин называл предателем. Ни о чём таком не думалось в нацистском плену, мечталось лишь вернуться домой, одержав победу над захватчиками. И к этой цели они шли с бесстрашием и изобретательностью, присущей творческим натурам.

Под видом концертов капелла выезжала в разные города Польши и Германии, где находились легионы. Они посещали заводы и фабрики, на которых трудились советские люди, угнанные в Германию. Репертуар был подобран так, чтобы песни и стихи крепили веру в победу над врагом и рождали надежду на скорое возвращение домой. К артистам временами присоединялся Муса, он использовал поездки капеллы для связи с другими подпольными организациями. В ход шли и листовки, призывавшие к борьбе. Пропагандистская работа принесла свои плоды: в итоге один батальон легиона перешёл на сторону партизан в Белоруссии; другой – к украинским партизанам, против которых и был направлен. Третий батальон не стал сражаться с десантом англо-американских войск, а поднял восстание на одном из островов Атлантического вала. Четвёртый батальон легиона нацисты, как неблагонадёжный, перебросили во Францию, в город Ле-Пюи. Но, в конце концов, и эти легионеры перешли на сторону французов. Таков итог подрывной деятельности джалиловцев.

Вдохновлённые успехом подпольщики решили вывести легион к польским партизанам в полном составе. Два дня, 8 и 9 августа 1943 года, Муса тайно совещался со своими соратниками –

Гайнаном Курмашевым, Рушадом Хисамутдиновым, Гали Курбановым, Фуатом Сайфельмулюковым. Всё было учтено и продумано до мелочей – установлена связь с польскими партизанами; роли распределены; из Берлина доставлены листовки, которые перед выступлением предполагалось раздать легионерам; назначен день восстания – 14 августа 1943 года.

Однако 10 августа, за пять дней до назначенного события, Джалиль неожиданно исчез. В легион нагрянули немцы, начались повальные аресты. С ходу схватили зачинщиков сопротивления. Всего арестовали более сорока человек. Большинство подпольщиков хранили листовки у себя в матрацах и подушках, их быстро обнаружили, и отрицать своё участие в заговоре стало невозможным. Лишь Рушад Хисамутдинов прятал листовки за пределами барака, так что прямой улики против него не оказалось. Тут свою роль сыграл опыт моего дяди, который когда-то служил пограничником, знавшим законы тайников. Схваченные подпольщики надеялись, что Рушаду удастся уцелеть и правда об их борьбе в неволе станет известна на родине. Бесчестье было для них горше смерти.

Всех арестованных доставили в варшавскую тюрьму. По свидетельству узников, 10 августа туда привезли и Мусу Джалиля. Затем его отправили в берлинскую тюрьму Моабит.

Начались допросы арестованных легионеров, очные ставки, в ходе которых подпольщиков жестоко избивали и подвергали пыткам.

В тюрьме Тегель дяде довелось познакомиться с русскими патриотами. Одним из них был капитан Александр Русанов, личный адъютант генерала Строчака, возглавлявшего партизанское движение на Украине. Дядя Рушад регулярно перекрикивался с Русановым во время налётов английской авиации. Немцы вначале заигрывали с несговорчивым капитаном, а потом отправили его в Заксенхаус, где он и погиб – перерезал себе вены, не выдержав пыток.

После войны во дворе концлагеря солдаты нашли железную коробочку, в которую был вложен маленький блокнот. В нём был и адрес дяди Рушада и добрые слова о нём. Писатель, также бывший узник, Юрий Корольков прислал моему дяде письмо со словами: «Как приятно через 20 лет узнать о друге, с которым сидел в одной тюрьме!»

В той же тюрьме дядя свёл близкое знакомство с Михаилом Иконниковым. Его он считал одним из лучших представителей русского народа, подлинным интернационалистом и гуманистом, человеком большой эрудиции. Иконников входил в тайную организацию РОА Власова. Муса Джалиль был связан с этим подпольем. Михаилу Ивановичу посчастливилось вернуться на родину, и в своих воспоминаниях он упоминал о джалиловцах: «В конце 43-го года я встретил в тюрьме Тегель группу татарских подпольщиков – учителя Курмашева, Хасанова, Батталова, Султанбекова и Хисамутдинова. Особенно хорошо знал Рушада. Статный, уравновешенный, с доброй улыбкой и голубыми глазами, излучавшими особый блеск, он производил приятное впечатление. Чувствовалась в нём огромная выдержка, приобретённая в погранвойсках. О подпольных делах не рассказывал, соблюдал конспирацию. Позже, когда Рушада увезли, говорил с Гайнаном Курмашевым, который отзывался о Рушаде с большой теплотой: “Был он офицером-пограничником, – говорил он, – его очень уважал и ценил наш поэт Муса. Мы постарались отвести от него беду. Если останется жив, может, удастся ему совершить побег и отомстить за нас”».

Известно также, что Иконников сумел сохранить один из блокнотов Джалиля, который на фильтрационном пункте передал майору, пообещавшему отправить записи поэта в Союз писателей. К сожалению, те стихи не найдены до сих пор.

А надежды джалиловцев, связанные с Рушадом Хисамутдиновым, всё-таки сбылись. Позже дядя во время этапа из лионской тюрьмы в Германию бежал к

французским партизанам и с оружием в руках мстил за погибших товарищей. Но смогло это произойти только благодаря стойкости его товарищей по подполью, отрицавших причастность Рушада к подрывной деятельности и правильно выбранной дядей линии поведения во время допросов. Он знал, что упорное отрицание вины лишь ожесточает следователя, поэтому решил признаться в том, что хотел совершить побег, так как очень скучал по семье. Прямых улик за ним не было, и признание вины пытались выбить пытками. Дядю жестоко истязали шомполами, избивали на очных ставках, но он стоял на своём, и друзья не выдали его. Отношение нацистского следователя постепенно, от допроса к допросу, менялось... Дело кончилось тем, что Рушад Хисамутдинов, чуть живой, был отправлен во Францию, в легион.

В городе Ле-Пюи, куда фашисты перебросили легион, его радостно встретили Гараф Фахрутдинов, Гариф Маликов, Шаехнур Хамиев и другие товарищи, которым посчастливилось избежать ареста. Истощённого и измученного пытками товарища друзья устроили в больницу рабочей команды. Они принесли ему еду, старались восстановить силы и здоровье.

Как только дяде стало чуточку лучше, через Гарифа Маликова он установил связь с французскими партизанами, точнее, с их командиром капитаном Сегелем и начальником штаба подполковником Жевольдом (Запальским) 18-й дивизии макизар. Связь была установлена через парикмахера Мишеля. Из штаба партизан дядя Рушад получал задания. Французы просили дать сведения о численности немецких солдат и офицеров в легионе, о наличии вооружения, боеприпасов, о настроении легионеров. Собранные сведения подпольщики передавали в штаб маки.

Со штабом партизан согласовывали и побег с оружием и боеприпасами. Так на сторону партизан перешла большая группа во главе с Амиром Утяшевым и Гарафом Фахрутдиновым. Вместе с

друзьями хотелось уйти к французским партизанам и Рушаду Хисамутдинову, но они не взяли его, говоря, что он ещё не вполне окреп. Обещали при первой же возможности вернуться за ним. Однако всё получилось иначе.

По подозрению в организации побегов дядю арестовали прямо в больнице и отправили в городскую тюрьму Ле-Пюи. Затем вместе с другими заключёнными его этапировали в знаменитую лионскую тюрьму Монлюк. Тюрьма до предела была забита арестантами, не хватало воздуха, было сыро, холод пронизывал до костей. Здесь фашисты допросов не вели. В конце августа заключённых вывели во двор тюрьмы, заковали попарно и строем повели на станцию. В товарных вагонах их повезли в Германию в лагеря смерти.

Но в районе станции Тюрнус железнодорожное полотно оказалось разрушенным. Между конвоем и французскими партизанами завязался бой. Дядя был скован с Зиннуром Гатиным из Татарстана. Как пограничник он знал способ раскрытия наручников и ещё в вагоне расцепился с Гатиным. Воспользовавшись перестрелкой, заключённые выскочили из вагона и бросились в разные стороны. И в этот раз дяде Рушаду удалось избежать смерти. Он не раз после вспоминал слова матери, которая говорила, что из её одиннадцати детей только Рушад родился в рубашке.

Когда на землю пала тьма, дядя двинулся в лес, где и наткнулся на партизан. Французы не сразу поверили ему, поначалу посчитали немецким шпионом и посадили в подвал к пленным фашистам. Но он взбунтовался, стал молотить в дверь и требовать освободить его. На слова французского офицера, что необходимо проверить, правду ли говорит пленённый, он ответил, что готов пройти любую проверку, но только не в обществе фашистов, так как на сиделся уже у них в Берлине. Офицер улыбнулся и предложил дяде чердак, где оказались восхитительные сено и солома, напомиравшие о родном доме и сеновале.

Вот как описывал дядя свою дальнейшую борьбу с фашистами в воспоминаниях: «Вечером, проснувшись, увидел, что чердак битком набит людьми. Шум, разговоры! Наши джигиты тоже тут – Закиров, Ризванов!.. И русские ребята есть – Никитченко, Марченко! Я всех их знал, они с того же эшелона, только к французам попали позже. Мы обнялись, как родные.

Наших было всего двадцать один человек – татары, башкиры, русские, украинцы и один грузин Орошвили. Проверяли нас примерно неделю. Потом бригадный комиссар мсье Дьюм сказал, кивнув в мою сторону: «Офицер среди вас, кажется, есть...» Ребята одобрили: «Пусть он, Рушад, будет командиром». Пока шла проверка, я занимался распределением продовольствия – хлеба, сахара, всего, что давали. Все относились ко мне с доверием. Ведь и годами я был старше.

Итак, мсье Дьюм назначил меня командиром «русской группы». Сначала нас использовали на хозяйственных работах, потом позволили принимать участие в боевых операциях. «Если кто-нибудь из вас вздумает бежать, – предупредили нас, – все остальные будут расстреляны».

В боях мы проявили себя бывалыми воинами. Из Парижа как-то поступила весть: немцы собираются вывезти в Германию шедевры французского искусства. Надо было помешать этому. Взвод наш вместе с французской группой взял под контроль основную автомагистраль. Вскоре показалась цепь грузовиков. Их было так много, что увидеть хвост колонны мы не могли. Едва передняя машина, крытая брезентом, приблизилась к нам, Марченко начал стрелять. Машина окуталась клубами чёрного дыма и взорвалась. Колонна остановилась. Возникли суета, беготня, крики! Оказалось, что в машинах не шедевры искусства, а солдаты эсэсовской дивизии! Ну, мы прицельным огнём дали им прикурить.

После боя мсье Дьюм вызвал меня к себе. Я честь по чести, чётко печатая

шаг, предстал перед ним. И ребят своих предупреждал: «Никакого разгильдяйства! Дисциплина должна быть, как в регулярной армии». (Среди французских партизан порядка не было – напьются вина и шалопайничают, как придётся.) «Убитые или раненые в вашей группе есть?» – спросил командир. «Нет», – говорю. «Как это понять? Французы погибли, а ваши живы?» Я ответил: «Мы не впервые воюем с немцами. Ещё в 41-м пришлось столкнуться. В горах немцы, как правило, применяют миномёты. От них одно спасение – окопы. А ваши смеялись над нами, когда мы копали их».

Через несколько дней французы решили представить нас к награде. Спрашивают: «Что вы предпочитаете – орден или ценный подарок?» Я посоветовался со своими. «Конечно, подарок, – сказали ребята, – на кой нам их ордена!» Так я получил золотые дамские часики. (Я довёз их до дома. Оказалось, что они не золотые, а позолоченные.) Остальным тоже были вручены часы и портсигары.

Мы участвовали в боевых операциях вместе с французами и гнали немцев до Эльзаса и Лотарингии, за которыми начиналась Германия. Генерал де Голль ликвидировал партизанское ополчение и принялся создавать французскую регулярную армию. Наш командир мсье Дьюм сказал нам: «Макизар больше не будет, а вам для того, чтобы служить в армии, придётся принять французское гражданство. Подумайте и завтра дайте ответ». Это предложение мы обсудили все вместе. «Дома у меня семья, – заявил я, – домой поеду. Большой вины перед Родиной не чувствую, разве что застрелиться не смог. В Германии в тюрьмах сидел, для подпольной организации немало сделал. Вернусь, не стану принимать французского подданства. После моих слов все дружно решили ехать домой».

Рушад-абый понимал, что на родине ответ придётся держать по всем статьям. Он оценивал обстановку трезво, и 1937 год он помнил слишком хорошо. Сердце всё ещё кровоточило от раны,

вызванной арестом любимого отца. Мой дедушка Билял Шарипович Хисамутдинов, школьный учитель, был уважаемым в Алма-Ате человеком. Его оклеветали завистники и после ареста расстреляли сразу же, без суда и следствия. Мой дядя пытался избежать подобной судьбы, потому и собирал скрупулёзно сведения о деятельности джалиловцев и собственной в том числе. Но разве он мог знать, что за правду о Джалиле и подпольной борьбе будет приговорён к расстрелу? Невозможно было предположить, что не помогут и письменные свидетельства, подтверждавшие каждое его слово. На них просто не обратили внимания.

На советском сборном пункте из одного только департамента набралось 7000 человек. Все воевали. В обращении к ним говорилось, что Родина-мать готова простить даже тех, кто с оружием в руках выступал против неё. Если бы не эта откровенная ложь, мало кто решился бы вернуться домой, считал дядя.

При допросе на сборном пункте Рушаду Хисамутдинову повезло, он наткнулся на своего бывшего начальника погранзаставы. Тот назначил его комиссаром партизанского батальона, помощником командира по политпросветработе. А вскоре дядя стал командиром этого батальона.

Под Москвой, в фильтрационном пункте контрразведка «Смерш» подвергла бывших военнопленных тщательной проверке. Спустя месяц, в конце 1945 года, Рушад Хисамутдинов оказался на свободе. Наконец-то он смог обнять своих родных. А на родине тем временем Мусу Джалиля заклеямили, как предателя.

Уже в феврале 1946 года А. Фадеев, глава Союза писателей СССР, получил документ, найденный нашими солдатами во дворе тюрьмы Моабит. Это была вырванная из какой-то книги страница, где рукою Джалиля было написано, что он, татарский поэт, осуждён по политическому делу и приговорён к смерти. Фадеев палец о палец не ударил, что-

бы спасти доброе имя человека, которого хорошо знал, он лишь переслал документ в Казань председателю СП А. Ерикееву. Эти двое знали правду и молчали. Ерикееву довелось даже читать стихи Джалиля, написанные в неволе, полные мужества и любви к родине. Спасибо благородному Нигмату Терегулову, который, возвращаясь из плена, доставил тетрадь в Казань. «Отблагодарили» человека обычным образом – сдали в КГБ, где он и сгинул вместе со спасённым им блокнотом Джалиля.

Дядю арестовали в 1949 году и приговорили к расстрелу, который позже заменили 25-летней каторгой. Рушаду Хисамутдинову довелось пережить жуткие рудники, лесоповал в Сибири, бандитский лагерь на Крайнем Севере, куда везли в тесном, душном трюме. В нём люди умирали от дизентерии, и трупы их сбрасывались в море. На родине терпеть муки было тяжелее в тысячу раз, потому что к страданиям добавлялась горечь несправедливости. Но Рушад-абый сумел выстоять...

Когда Муса Джалиль был реабилитирован и признан героем, я сама была свидетелем, как работник КГБ сказал: «Хисамутдинова джалиловцем мы не считаем». Вдвойне обидно было слышать такое от человека, который знал, что в «Моабитской тетради» Джалиль собственноручно вывел имя моего дяди среди ближайших своих соратников.

Такой горькой и унижительной оказалась оценка Рушада Хисамутдинова после всех страданий и унижений, которые он перенёс! Равнодушие, невежество, бесчеловечность этих господ просто потрясает! Не историки и не джалиловеды, а именно эти «бойцы невидимого фронта» решали, кого считать джалиловцем, а кого нет. И им не возражали, потому что боялись. Разве Рафаэль М. и другие не знали всей правды? Конечно же, знали, но предпочитали помалкивать. Соккрытие истины приносило свои плоды. Введённый в заблуждение Диас В. разразился пьесой о Джалиле, где предателем вывел... (кого бы вы думали?) – Хисамутдинова!

При каждом удобном случае Рушад-абый не уставал повторять, что в одиночку, без помощи верных, надёжных товарищей Джалиль не смог бы совершить столь важного подвига. Когда через несколько лет возле памятника поэту поднялась стела с барельефными портретами джалиловцев, портрета Рушада Хисамутдинова на ней не оказалось!

К тому времени дяди уже не было в живых. Напрасно Гази Кашшаф в письме к нему уговаривал подать на реабилитацию, «чтобы не выпасть из истории». Дядя в «истории» не удержался. Да и могло ли случиться по-другому в обществе, которым командовали абсолютно безучастные к судьбам людей чинуши от службы госбезопасности, обезумевшие от подозрительности и недоверия, для которых важнее всего было оправдать существование огромной своей армии, а вовсе не торжество справедливости.

Гебешники упорно не видели и не желали видеть героических заслуг Рушада Хисамутдинова, наплевательски относились к вердикту высокой Государственной комиссии во главе с генералом Батовым о его реабилитации. И до самого конца не оставляли фронтовика в покое.

Ведь это странно, что такое случилось с человеком, благодаря которому мир в подробностях узнал о необыкновенном подвиге борцов подпольного фронта; человеком, помогшим джалиловцам, хотя и после гибели, с триумфом вернуться домой!

Гази Кашшаф умер слишком рано. В лице этого неравнодушного человека Рушад Хисамутдинов лишился влиятельной и авторитетной поддержки. Познакомились они посредством печати, когда Гази-абый бросил клич на весь Союз: «Отзовитесь, кто знал Мусу Джалиля!» Дядя первым, без колебаний откликнулся. А потом писатель сам поспешил к нему в Ош и, сидя на заднем сиденье мотоцикла, «скакал» по горам, где дядя работал в геологической партии, и каждую свободную минуту ис-

пользовал для того, чтобы слушать и записывать рассказы живого джалиловца.

Надо сказать, что, несмотря на страшные испытания, дядя не сломался. Он ничего и никого не боялся, держался независимо, за что, я думаю, «доблестные невидимки» и отомстили ему, вычеркнув из числа героев-джалиловцев.

Некоторые не в меру скромные друзья дяди, которые в бою сражались, как львы, встретив дома враждебный приём, тушевались, не умели постоять за себя. Узнав о таком, Рушад-абый бросался на выручку, ходил в комитет госбезопасности, в парторганизацию, в дирекцию, показывал фотографии, доказывал и спасал бедолагу. А вот пропагандиста Гали Курбанова (Мичурина), которому посчастливилось избежать в легионе ареста, спасти не успел. Тот был доведён до крайнего отчаяния. Узнав о том, что Хисамутдинов жив, и разыскав его по телефону, Курбанов скончался от разрыва сердца прямо во время разговора, с трубкой в руке!

Уже не было в живых Баки Урманче, Мустафы Нугмана, Рустема Яхина, которые ценили дядю, любили и дарили ему свою дружбу. Зато были такие люди, кто, воспользовавшись его воспоминаниями, написал о Джалиле немало статей, монографий, книг.

Так кто же спасёт память самого Рушад-абый Хисамутдинова, не позволит ей кануть в Лету?!

Люди между тем забывают поместить статью о нём в «Татарскую энциклопедию», а в музее Мусы Джалиля нет даже намёка на то, что жил на свете такой смелый, находчивый, умный джалиловец, умевший держать слово, который, вернувшись на Родину, едва не поплатился жизнью, первым заговорив о борьбе татарских героев в фашистском плену. Имена их в музее есть, но о человеке, который воскресил эти имена в памяти народа, забыли. Здесь, в

Казани, нет, к сожалению, даже могилы героя, куда можно было бы возложить цветы. Дети Рушад-абый покинули Ош, так что могила его осталась бесхозной и когда-нибудь исчезнет...

А давно ли люди слушали Рушад-абый Биляловича, затаив дыхание, – настолько удивительна была его жизнь, похожая на захватывающий приключенческий роман? Он был верен клятве, данной джалиловцам, – рассказать об их опасной борьбе.

Меня не покидает чувство вины и сожаления. Мы договорились с дядей, что как только выйду на пенсию, отправлюсь к нему и займусь литературной записью его рассказов. Для этого было у нас целых четыре года! Увы... Всегдашнее везение отвернулось от него. А может быть, на сей раз не повезло мне?

Да, судьба дяди оказалась необыкновенной. Множество раз удавалось ему выжить в самых фантастически безнадежных ситуациях. Родные думали, что Рушад-абый нет в живых: люди видели, как во время форсирования Северного Донца он вместе с конём ушёл под воду. Судьба как будто специально берегла его для того, чтобы мог он выполнить главное предназначение своей жизни, – рассказать людям о славных героях.

Мне очень, очень жаль, что Рушад-абый Хисамутдинов нет на стеле, где ему положено быть. Я боялась, что, узнав об этом, он сильно огорчится. Но ведь так думаю я, человек заурядный. Рушад-абый был другим. К ударам судьбы он привык и вряд ли стал бы думать в ту минуту о себе. Скорее всего, был бы просто счастлив оттого, что голос его услышан и погибшим героям воздана заслуженная честь. Счастлив тем, что оправдал надежду джалиловцев и вернул их имена народу, с думой о котором они приняли свою мученическую смерть.

То была главная цель последних лет его жизни, и он достиг её!

